

Россия как великая держава. Проблемы становления самосознания: прошлое и настоящее

Европейская история — это история подъема и упадка великих держав. Причем, всеобщие представления таковы, что расцвет великой державы равнозначен росту власти, благосостояния, богатства и счастья; падение же означает бессилие, бедность, нужду и несчастье. Однако пристальный взгляд на историческое развитие показывает, что это суждение ошибочно. Есть много примеров тому, как люди и общества прекрасно жили и живут в условиях благосостояния и социального мира в государствах, утративших свой статус великой державы. Это можно сказать, например о Швеции, утратившей статус великой державы в начале XVIII в., или о Голландии, но, прежде всего, о Западной Германии после 1945 г. Вплоть до 1700 г. Россия находилась на краю Европы и уже по одной этой причине не могла претендовать на статус великой державы. Вхождение в мир европейских государств произошло в ходе Северной войны, т.е. после победы над Швецией — тогдашней великой державой. Победа открыла России доступ к Балтийскому морю, к чему она стремилась с XVI столетия. Непосредственно после заключения Ништадского мира, в октябре 1721 г, Петр I отказался от царского титула и принял титул императора. Это был символический акт, которым русская политика заявила свои претензии на место в европейской политике. Один из выдающихся духовных советников Петра, архиепископ Феофан Прокопович, произнес в связи с государственным актом речь, в которой он сказал: Петр сумел вывести своих подданных "из мрака неведения на феатр славы всего света" и ввести их в общество "политичных народов". Император в Вене вначале не хотел признать за русским государем право ношения императорского титула. Этому, собственно, не следует удивляться. Интересно, однако, обоснование, приводившееся венским правительством для отказа от признания этого титула. По его мнению было бы абсурдом, если бы тело Церкви Христовой, высшим светским главой которой являлся император священной римской империи, "вдруг обрело бы две главы, а то и больше". Иными словами, в Вене в 1721 г. совершенно естественно исходили из того, что Россия является частью европейского христианства. В последующие 200 лет Россия, как по собственной оценке, так и в глазах остальных, была великой державой и признанным игроком на европейском театре действий. Без России *balance of power* больше был немислим. После 1815 г. сложился слаженный концерт пяти крупных евро-

пейских государств, бывшими субъектами и объектами этой политики равновесия и гарантировавшими европейскому континенту в общем и целом удивительно продолжительный период мира. При этом следует учесть две вещи:

1. Естественное участие России в политике европейских держав в XVIII и XIX столетиях вовсе не означает, что произошла европеизация России в смысле приравнивания русского государства и общества к европейской модели. Проблемы, с которыми сталкивается Россия вплоть до наших дней, объясняются именно тем, что этого не случилось. Скорее всего наоборот, из-за европеизации социальное тело России было расколото на две части, с одной стороны, высшие слои, в значительной степени приблизившиеся к европейским условиям, а с другой — остальные 4/5 преимущественно крестьянского населения, оставшегося, по сути, не охваченным ни техническим прогрессом цивилизации, ни политическим участием, ни процессом формирования нации и классовой борьбы.

2. Российская империя была *одной* из великих держав Европы. Россия не стремилась к достижению гегемонии в Европе, кроме того ей не доставало бы и ресурсов для продолжительного сохранения такого господствующего положения. Вершиной русского влияния в Европе стали годы, прошедшие от Венского конгресса (1815 г.) до Крымской войны (1853—1856 гг.), когда Россия стала решающей силой, гарантировавшей сохранение монархически-консервативного статуса-кво, вопреки всем демократическим, национальным и революционным попыткам переворота. Распространенное, прежде всего на Западе, с XIX столетия представление о том, будто Российская империя стремилась к мировому господству, является частью русофобского арсенала и не пригодно для описания реального положения дел до 1917 г.

После захвата власти большевиками координаты великодержавной политики радикально изменились: больше не могло быть и речи о политике *balance of power* или политике участия в концерте держав. Это считалось предательством и контрреволюцией. На смену им пришли ожидания мировой революции, которая бы упразднила все предшествовавшие формы внешней политики. На практике же это означало прежде всего изоляцию Советской России и затем, после второй мировой войны, построение блока социалистических, зависимых государств вокруг находившейся в центре "родины социализма". Самосознание, сложившееся при таких предпосылках, и до сегодняшнего дня накладывает отпечаток на ментальность. Постараемся охарактеризовать последнюю:

1. Революционное самосознание основывалось на том, что "мы" вовсе не такие, как "они". Теперь Россия оказалась впереди, по пути к прогрессу, остальные будут следовать за ней.

Это собственное достоинство, исполненное чувства мессианского превосходства, объединяло революционеров, в смысле ментальности, со славянофилами. Ведь и славянофилы и панслависты, начиная с 1870-х годов аргументировали так, что дескать именно европеизация России является ложным путем, что европейская культура дегенерировала и находится на краю гибели. Будущее же принадлежит культуре, которая выйдет из России и сменит европейскую культуру.

Мессианско-революционное самосознание с самого начала включало сильный патриотический оттенок. Извечно отсталая Россия в результате революции и поворота сознания, одним махом превратилась из арьергарда истории в авангард.

2. Европа и остальной мир были, однако, не готовы следовать за Россией по пути к коммунизму. Наоборот, Советская Россия попала в неслыханную, после Петра I, международную изоляцию. На протяжении десятилетий пропагандистски взвинчивалось сознание опасности, грозящей извне. Коминтерн и возникшие после второй мировой войны организации, его преемницы, с их четким иерархическим порядком во главе с Москвой, пришли на смену в принципе анархически складывавшимся взаимоотношениям между великими державами.

3. Образование блоков стало предпосылкой появления статуса великой державы после второй мировой войны. Базой международных отношений стало разделение мира на друзей и врагов. Друзья, т.е. члены социалистического блока, были зависимы от Советского Союза. Это касалось не только стран — членов Варшавского договора, но и географически более отдаленных членов блока, таких как Куба и Вьетнам. Советский Союз сам ощущал себя великой державой не потому, что у него были партнеры и союзники, а потому, что его ведущую роль признавали сателлиты или во всяком случае зависимые от него государства.

По этой причине советской ментальности были чужды, как представления о балансе и равновесии, присущие XIX столетию, так и принцип интеграции, игравший центральную роль в западном блоке, начиная с 50-х годов.

4. Советский Союз, начиная с 50-х годов, в расколоте на две части мире превратился из великой державы в мировую, т.е. он стал ведущей силой одного из двух блоков. Отсюда вытекало собственное представление, а также представление других о том, что у СССР есть лишь один равноправный и равнозначный ему, хотя и враждебный партнер — США. До 1991 г. статус сверхдержавы серьезно никем не ставился под сомнение, хотя все знали, что он основывался исключительно на военном паритете. И этот военный паритет с США был достигнут лишь около 1970 г. и по всей вероятности, просуществовал не более 15 лет. После почти бесшумного распада мировой державы (Советского Союза) будет

позволено задаться вопросом, до какой степени оценка сторонних наблюдателей и самооценка СССР как сверхдержавы основывалась на реальном положении вещей, и до какой степени она была плодом риторики. Советский Союз был несомненно мировой державой в риторическом смысле; однако по геополитическим критериям, т.е. с учетом политических, экономических и духовных потенциалов, он, по всей вероятности, мировой державой никогда не был.

5. Во второй половине 80-х годов само советское руководство демонтировало мировую державу — Советский Союз. Это произошло не из-за недостаточного патриотизма, в чем упрекают сегодня в России красные и коричневые руководство Горбачева и Ельцина, а из-за осознания того, что силы уже давно были перенапряжены и если бы Советский Союз не произвел радикального сокращения своего присутствия в мире, ему бы угрожал коллапс. Вопреки замыслу, перестройка закончилась не только ликвидацией мировой державы, но и распадом государства.

И сегодня это довлеет над страной, как тяжелая травма. Преобладающее большинство политически активной элиты не может смириться с тем, что власть и влияние России сократились лишь до частички ее былого величия. Многие даже стараются мужественно отрицать это и наталкиваются при этом на поддержку на Западе. Большинство населения не интересуется политикой, но все же ассоциирует с исчезновением мировой державы Советского Союза падение материального уровня, рост социальной неуверенности и криминализацию всех отношений.

Кризис идентичности оказался столь глубоким еще и потому, что нет пути назад. Закрыт путь обратно как в советское, так и в предсоветское прошлое. Ведь сегодня нет ни восточного блока, как после 1945 г., ни концерта великих держав, как после 1815 г. Неизвестно, какая государственная идея возобладает в будущем; согласие на этот счет предстоит достичь.

Начиная с 1992 г., все громче раздаются голоса тех, кто, с одной стороны, жалеет об утрате власти и престижа, а, с другой — особо подчеркивает, что Россия и сегодня является великой державой и вновь стоит накануне превращения в еще более великую державу. Правительство заняло официальную позицию, согласно которой Российская Федерация не только является правопреемником СССР, но и политическим "продолжателем" Советского Союза.

В публичных дискуссиях преобладают голоса тех, кто выдвигает на передний план самобытность, инакообразие и самостоятельность России как культурной и великой державы, кто требует возведения "русской идеи" в основу для будущей государственной доктрины

Поэтому стремление к преобразованию государства и общества, опираясь на западные образцы, считается в собственном восприятии подчинением. В этом отношении не может быть большего отличия от Польши и других стран Восточной и Средней Европы, в которых фундаментом самосознания является подчеркивание одинаковости, идентичности с Западом. Почти все политические группы в этих странах согласны с тем, что это должно стать той существенной основой, которую следует превратить в политическую и экономическую реальность, а также в реальность в вопросе безопасности. Для России следует сделать из этого три вывода:

1. Дискуссия о собственной роли великой державы в будущем ориентирована главным образом на прошлое. Не существует никаких новых концепций, ни относительно взаимоотношений с "ближним зарубежьем", ни относительно взаимоотношений со странами Восточной и Центральной Европы и с Западом. Скорее наоборот, со многими поправками, учитывающими изменившееся исходное положение, вновь перенимаются советские концепции периода до 1985 г. Кратковременный подъем в 1990—1991 гг. русских демократических сил и "атлантиков", требовавших интеграции России как "нормального" государства в мир "цивилизованных" государств, кажется забытым.

2. Проявившаяся более десяти лет тому назад отсталость России компенсируется в общественном сознании путем подчеркивания самобытности и своеобразности. С этим связывается представление о том, что собственный мир культуры и власти может быть сохранен лишь за счет отгораживания и отмежевания от внешнего мира.

3. Период радикальных перемен пока позади. Маятник движется обратно, к реакции, которую многие воспринимают как консолидацию. Вопрос о будущем России остается открытым.